

СОХРАНЕНИЕ И ПЕРЕДАЧА ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ БУДУЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ

Виктория Васильевна Петрашева
Профессор КГПУ,
Дэвид Коэстер
Колумбийский университет (США)

Хранители родовых очагов

Культура этноса развивается, если ее лучшие традиции передаются из рук в руки, наследуются и обогащаются последующими поколениями.

Внимание мировой общественности к проблемам сохранения и устойчивого развития малочисленных народов Севера связано непосредственно, с одной стороны, с эволюцией философского осмысления ценности северной цивилизации в истории человечества, а с другой — стремлением аборигенных народов к самодостаточности.

Идея полевых экспедиций «Хранители родовых очагов» возникла во время Первой Международной этноэкологической экспедиции на Камчатке, организованной в 1993—1994 годах учеными Камчатского института экологии и природопользования ДВО РАН (Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация) и Колумбийского Университета (Нью-Йорк, США). В результате проведенных исследований был сделан главный вывод — изучение и фиксация современных этнических процессов в ительменской культуре требуют активных форм передачи опыта материальных, духовных и интеллектуальных ценностей народа.

И вот реальность — два научно-культурных съезда (1994 и 1995 гг.) собрали многих, кому дорога культура одного из древнейших народов Камчатки. Ительмены съехались из самых разных поселений — Коврана, Усть — Хайрюзово и Верхнего Хайрюзово, Тигиля, Седанки, соболева, Мильково, Елизова, Раздольного, Вилючинска, Петропавловска-Камчатского. Участниками стали и ученые, приехавшие из Санкт-Петербурга, Иркутска, Нью-Йорка, Хомера, Вашингтона, Парижа.

Все это могло состояться благодаря американскому спонсору International Research and Exchanges Board (IREX), предоставившего грант в сто тысяч долларов, а так же поддержке Тигильской администрации Корякского автономного округа, Центра традиционной культуры и среды обитания «Камчатка — Этнос» Камчатского института экологии и природопользования ДВО РАН, Камчатского Центра экологии облкомприроды, оказавшим содействие в осуществлении проекта.

Ритуал очищения и освящения красивейшего места, окаймленного каскадом гор, в районе Верхней Паратунки с целебными горячими источниками, в которых можно было за десять дней пройти северянам и курс оздоровления, объединил всех общим интересом — поиском истоков ительменской культуры.

Ежедневно изучался ительменский язык с профессором Александром Павловичем Володиным, более тридцати лет своей жизни посвятившего исследованию языка ительменов.

Программы были насыщены этноархитектурным обустройством (особую активность проявляли дети, возводя балаганы, шалаши, юкольники, вешала и др.), консультациями и обменом опытом по возрождению родовых общин, деятельности национальных предприятий, развитию малого бизнеса. Такие вопросы, как специфика традиционного жизнеобеспечения, ценность экологических знаний в освоении своей среды обитания, секреты народных промыслов и национальной кухни — также нашли отражение в работе съезда.

Самобытный характер взаимоотношений постигался на презентациях книги Татьяны Гуторовой «Эльвель», сборника песен Анатолия Левковского и современной ительменской музыки, а также книги «Воспоминания Федора Спешнева». Не последней забавой были игры детства, танцы, сказки и легенды страны Кутха.

Сколько появилось надежды возродить и сохранить для потомков то, что создавалось усилиями поколений.

Самые большие испытания XX века для аборигенных народов Камчатки — насильственное переселение людей из родных сел в более укрупненные населенные пункты, произошедшее в 1950—1960-х годах. Это переселение было связано с так называемой государственной «неперспективностью» малого национального села. Оно коснулось и таких ительменских поселений, как Утхолок, Седанка Оседлая, Напана, Сопочное, Морошечное, Кихчик и многих других. Этот процесс катастрофически повлиял на традиционный образ жизни, разрушая все основы этнической культуры, семейных и родственных связей.

Преодолеть этноэкологический кризис — сложная, но посильная задача возрождающейся России.

Люди воспринимают мир через культурные категории, духовные ценности, которые возникали у народа. При этом, культура — не простая система, которая существует синхронно и одновременно. Это универсальное явление продолжается, независимо оттого, что индивиды носители ее умирают. Сверх того, в культуре есть средства для саморазвития. Это же можно сказать и о материальных условиях.

Вопрос в том, какая есть связь для саморазвития между материальными условиями и культурой, как люди учатся жизни и какие ценности материальной и духовной культуры унаследуются и передаются потомкам. Участники Полевой экспедиции «Хранители родовых очагов» включили в свои исследования эти вопросы. Для изучения различных областей жизни ительменов, содействия возвращению этнического наследия, для сохранения, выживания и развития национальной культуры были выделены основные аспекты:

1. Исторический:

- а) как люди жили раньше;
- б) воспоминания о детстве;
- в) история жизни человека, семьи, рода.

2. Лингвистический:

- а) история изучения ительменского языка;
- б) пути сохранения языковой среды.

1. Экологический:

- а) традиционные формы жизнеобеспечения;
- б) технологии, применяемые в хозяйственной деятельности;
- в) традиции национальных ремесел и декоративно — прикладного искусства;
- г) способы передачи опыта традиционного природопользования, духовной и интеллектуальной культуры.

Результатом содружества ученых, специалистов и самих аборигенов стала книга воспоминаний и рассказов с тем же названием — «Хранители родовых очагов». Составители старались бережно сохранить речевые обороты, стиль, эмоциональную окраску рассказчиков. В книгу вошла только часть собранного материала об ительменских селах, о минувшем в жизни ительменов, о репрессиях 1930-х годов, а также то, что представляет бесценное историческое и культурное наследие ительменов: сказки, легенды, байки, ходемы, переданные Александрой Петровной Краснояровой, Татьяной Петровной Лукашкиной, Прасковьей Степановной Волковой, Валентиной Дмитриевной Слободчиковой, Сергеем Ефимовичем Притчиным и Никитой Захаровичем Запороцким, Елизаветой Федоровной Радьковой и Борисом Александровичем Жирковым.

Непреодолима ценность и тех воспоминаний, в которых есть богатейшая информация о традиционных технологиях, тонкостях национальных художественных промыслов, своеобразных рисунках танца, играх детства, шутках, прибаутках. Уникальны и тексты, записанные на ительменском языке, но они еще требуют технической обработки.

Приведем лишь ряд извлечений из рассказов и воспоминаний людей, живших в разных ительменских селах западной, центральной и южной частях Камчатского полуострова.

Александра Петровна Красноярова.

Воспоминания во время встреч очень полезны: понимаешь, кто тебе родня, только не всегда ясно, какая родня, по матери или по отцу? А молодые совсем ничего не знают, рядом родные будут, они не узнают их...

Прасковья Степановна Волкова.

Родилась я в Седанке Оседлой. Жили как родовая община, всем селом и дружно. Занимались рыболовством, охотились. Дед ездил в Тигиль и обменивал пушнину у купцов на продукты питания — муку, сахар, соль и чай. И церковь как себя помню. По праздникам ходили всей

семьей. У нас не было садиков. Взрослые все вместе работали и на рыбалке и на огороде. А мы сами себе придумываем игру и называем ее «наноми». Уходили детворой на поля невдалеке от села и несли туда кто юколу, кто икру, кто рыбу отварную. Собирались, как будто бы, в гости друг к другу. Воду брали в сосуды из бересты — чуманы у нас их называли. И шалостей не было, и бловства тоже. А вечером в лапту играли. Мячи делали из наростов на деревьях. Если такой мяч попадет в тебя — больно было. А еще мячи из коровьей шерсти катали. Они хорошо отскакивают. Куклы шили из тряпок, волосы крапивные пришивали.

Валентина Дмитриевна Слободчикова.

Моя родина — Сопочное. Но я мало там жила. Всего восемь лет. Всех сопочновских знаю, они только мало по — ительменски говорили. Церковь там была под школу передана. Всего до войны в селе много было. А потом в Морошке жили. Ягоды, грибы собирали, яйца сдавали. Дети и подростки всегда взрослым помогали. Стариков мало было. Корюшка в реке всего три дня шла. И надо большие запасы сделать. Из травы плетенки изготавливали. Веревки тоже не было. Чавыча шла, икру сушили. Шикшу собирали, чтобы с икрой поесть. Этой ягоды много запасали на зиму. В Ковран всех нас сселили в 1960 году. Там и дети выросли, внуки тоже — одиннадцать человек. Самая богатая детьми и внуками я в Ковране. Работала в школе на разных работах: истопником была, красила. Что заставят, то и делала. А потом, конечно, на рыбалку. В Ковране всего много было: и икорник, и цех, и лебедка. А сейчас уже нет ничего. И поля хорошие были. Сейчас и этого нет.

Сергей Ефимович Притчин.

Собаки и баты — этого всегда было много и в Тигиле, и в Седане, и в Лесной. Баты — это такие долбленные лодки, по-ительменски — хтэм. Раньше других лодок или моторок не было. Были баты да паромы. Отец мой всех перевозил в Тигиле на большое поле — служащих, учителей, медиков. Двадцать человек перевез — трудодень. Из Верхней Седанки на батах сплавлялись и всегда песни пели. Перед тем как к дому пришесться, стучали о борт, издавали звук или из ружья стреляли. Я маленький тогда был, но все это в памяти. Взрослым сам уже собак и упряжку держал. У Льва Николаевича Жиркова в Ковране всегда собаки очень хорошие были, а потом и у его сына Александра.

Один раз на соревнованиях он даже ружье одностольное в награду получил. Но если бы сейчас мой дедушка жив был, он бы первые места брал! Раньше то и собак хорошо кормили, готовили на зиму и для себя и для собак. Пойдем пешком, лодки не было. Перейдем реку, а там родственники. Дети с палками стоят, чтобы рыбу не пропустить. Много рыбы ловили. На целый день работы хватало. А там еще и сеточка стоит. Богатая речка была, Ковранская речка.

Да и с шуткой дружили тоже всегда ительмены. Вот такая история с отцом приключилась. Кукушка обычно у нас кукует в конце мая,

начале июня. А до этого, в апреле, еще снежок лежит. Как тут кукушка куковать будет? Птичек — то нет. Отец истопником в овощехранилище в Тигиле работал. Женщины картошку перебирали, к посадкам готовились. Там труба была. Отец подождал, пока женщины уgomонятся, и давай в трубу куковать. Покукует, покукует, послушает о чем женщины говорят. Потом еще покукует. Те недоумевают: «Что случилось? Что-то нынче рано кукушка закуковала, к чему бы это?». Потом вышли на улицу посмотреть на раннюю пташку. Смотрят, а там мой папа кукует в трубу. Вот смеху то было.

Тяжелая эпоха советской истории сталинского периода коснулась и ительменов. Многие были репрессированы и погибли в то время. Вспоминать об этом времени и о пострадавших родственниках очень тяжело, но необходимо.

Светлана Яковлевна Сысоева.

Я про маму расскажу — Сысоеву Василису Ивановну. У нее один единственный брат был — Иван Иванович Уксусников. Он родился в начале века. Я была маленькая. Увидела старую фотографию. Стоит мужчина с тросточкой. Я говорю: «А кто это такой?». Мама мне в ответ: «Это твой дядя». Я говорю: «А где же он? Умер?». Мама говорит: «Не знаю. В 34-ом году его забрали. Тогда на Камчатке многих репрессировали». Я еще спросила: «А почему его забрали. Без причин же не могут забрать?». Она тихо мне сказала: «Ну, мы жили хорошо. У нас несколько лошадей в Утхолоке было, и коров в семье имели. Семья у нас была большая и работающая». Я опять задаю вопрос: «Только из-за этого и забирали?». Мама уже совсем почти шепотом сказала мне: «Только из-за этого. Сказали, что он кулак и забрали. А он был у нас главный мужчина в семье. Его и забрали».

Людмила Аркадьевна Ракунова.

В Мильково тоже много было репрессированных. Увозили, в основном, в Магадан. И они строили Магадан. Единственный, кто вернулся уже в 60-х годах — это Петр Плотников. Тридцатые годы особенно много принесли разрушения в жизненные устои, породили нищету и безотцовщину.

Татьяна Петровна Лукашкина.

После того, как забрали отца, маму вызвали в НКВД. Не знаю, что там с ней сделали. Но после возвращения, она легла спать и умерла. Мне тогда было 12 лет. Я сама шила маме платье, за вереском ходила. Надо было поставить стакан белый и свежий воды ключевой, и соломку крестиком положить. По нашим поверьям, если соломка за ночь изменилась, значит мама ночью воду пила.

Мы остались совсем одни со слепой бабушкой. Сестренке было всего 4 месяца. Я старшая, потом братья Алеша и Костя, а Ульяна в

Хабаровске училась, книжку выпускала, первый ительменский словарь. Братишку Костю паралич разбил. А ему было всего 4 года. Бабушка моя, Мария Васильевна, знала как болезни лечить — «Идите на сопку, медвежий корень копать». Медвежий корень по — ительменски называется «хэко». Его запаривали и заполняли корыто водой. Бабушка погружала братишку в корыто, делала массаж спины и ног. Через 11 месяцев Костя встал на ноги.

Бабушка хоть и слепая была, шила нерпичьи бродни для колхоза, жилку из оленя продевала языком.

У меня уже были дети. В 1948-ом году в Новый год пришел человек, который написал клеюзу на моего отца и говорит: «Прости, Татьяна Петровна, это я вас оставил без родителей». Какое может быть прощение, когда мы столько пережили. Бабушка, помню, пойдет в гости, кусочек хлеба у кого-нибудь возьмет, принесет, всем нам по кусочку делит. Вот так мы жили. А ведь всего в достатке раньше дома было. Отец хороший охотник был и трудолюбивый. Сейчас таких среди наших уже редко встретишь.

Работа научно — культурного съезда «Хранители родовых очагов» показала, что этническое возрождение зависит не только от объединения усилий ученых и специалистов в области ительмологии, но и от желания сегодня живущих ительменов по крупицам собрать и взрастить богатства своей культуры, сделать ее общественным достоянием.